

НАУРЫЗ

Рассказ

К концу зимы Кокшулан начал выбираться на охоту один, без Айтуган, или выходил во главе стаи. Айтуган округлилась, стала по-другому пахнуть и все больше стремилась к уединению. Когда Кокшулан на днях играючи ударил ее тяжелой лапой по загривку, она мгновенно оцетинилась и зарычала. Волк отпрянул, издавая притворный рык, затеяв игру и ожидая ответного нападения. Но Айтуган уже не обращала на него внимания. Она внимательно смотрела вверх, на синее, прозрачное небо, будто затеяла игру с другим существом, и самец инстинктивно отступил. Айтуган все больше лежала, равнодушно поглядывая на него. Даже когда Кокшулан приносил добычу, она не бежала ему навстречу, игриво виляя хвостом, только смотрела на мясо и глухо рычала. В ней появилась неведомая сила, заставлявшая самца служить. Кокшулан приносил добычу, оставлял поблизости и уходил подальше. Айтуган подходила и жадно съедала все, будто запасаясь впрок.

Волки держались стаей всю зиму, обосновавшись в урочище Аиртау, в горных пещерах вдоль реки. С закатом самцы выходили к слабо журчащему подо льдом ручью и отправлялись в долину, на поиски добычи.

Кокшулан был сильным и опытным вожаком, но молодые самцы иногда задирали его, пытаясь помериться силой. Тогда вожак издавал особый рык, подавляющий волю не только молодых самцов, но и всей стаи. Все тут же затихало, а волк-задира убегал подальше, стараясь не попадаться вожаку на глаза. Кокшулан помнил такие случаи и чувствовал, кто из молодой поросли может конкурировать с ним. Ближе к весне охотиться стало труднее, и в стае появился единый дух. Следуя инстинкту выживания, молодые волки перестали огрызаться на вожака, теперь вся стая зависела от Кокшулана, от его опыта и интуиции.

Рано утром с запада подул тревожный ветер, и Кокшулан почувствовал приближение затяжной снежной бури. Предыдущие дни были теплыми, снег успел подтаять на поверхности и разрушить плотный наст. По такому снегу трудно бежать в открытой степи. В оттепель волки приспособились ловить мышей и сурков под снегом, вокруг логова, но несколько грызунов в день не насыщали хищников, а только раззадоривали. Продолжительный голод и признаки приближающейся непогоды подтолкнули Кокшулана на рискованный шаг — повести стаю на охоту в лес людей, там всегда много дичи.

Орал Арукенова — прозаик, поэт, переводчик, литературовед. Окончила Институт иностранных языков в Алматы, школу менеджмента в Гамбурге. Работала в международных компаниях и транснациональных корпорациях. Стихи, проза и статьи публикуются в альманахе «Literra-NOVA», на казахстанском литературном портале «Әдебиет», в журналах «Әсквайр», «Тамыр», «Простор», в сборниках современной казахстанской прозы и филологических изданиях. Дебютная книга «Правила нефтянки», выпущенная издательством «Meloman Publishing» (2018), удостоена номинации «Литературный дебют года», учрежденной оргкомитетом независимого литературного конкурса «Алтын Қалам».

Древний инстинкт хищника не оставлял места сомнениям, да и вызывающий взгляд Айтуган побуждал вожака пуститься в путь немедленно. Кокшулан поднялся на пригорок, принял властную позу, оглядел острым взглядом стаю, будто гипнотизируя, и сделал едва заметное движение головой, задавая направление. Айтуган тоже вышла на охоту, опустив голову, она подчинилась вожаку наравне с остальными волками. Кокшулан повел стаю через горный хребет. На вершине снег еще не успел подтаять, лишь местами образовалась липкая скользкая корка. Стая бежала полдня через густой туман. Когда запах угольного дыма смешался с дымом, исходящим от горящего дерева, они приблизились к чужой территории. Услышав громкое карканье ворон, Кокшулан насторожился. Огромный ворон, сидевший на ветке карагача, расправил крылья и полетел в сторону леса. Затем целая стая ворон прошелестела вслед за ним. Вожак почувствовал приближение добычи, но опыт встреч с людьми научил быть настороже, и он решил дожидаться ночи.

Лишь когда луна сверкнула сквозь густые облака, Кокшулан повел стаю на запретную территорию, где требуется особая слаженность действий. Первым бежал вожак, за ним два молодых, сильных самца. Чуть в отдалении, разделившись на две группы, двигались другие члены стаи, волчицы бежали сзади.

Вскоре Кокшулан увидел знакомого ворона, тот сидел на ветке ели, а под ним, на снегу, расположилось на ночлег стадо лосей. Один из них лежал немного в стороне, к нему можно было подобраться ползком с двух сторон. Лоси — большие и сильные животные, если их потревожить, они могут смертельно ранить копытами и рогами. Но туши даже одного лося может хватить надолго. Только Кокшулан начал продвижение к цели, как громко закаркал ворон и полетел в гущу леса, а вслед за ним черной тучей взвилась шумная стая, и вожак притаился. Карканье ворон всполошило лосей, в стаде началось движение. Тогда Кокшулан повел стаю на голоса птиц. Волки углубились в лес и вскоре увидели воронье пиршество. На земле лежал огромный лось, он все еще похрипывал, вздрагивая от ударов вороньих клювов.

Волки бросились к животному, впиваясь острыми клыками в еще живую плоть, вырывали куски мяса с кровью и жадно глотали не пережевывая. Утолив голод, стая неспешно двинулась обратно на хребет за своим вожаком под громкое карканье ворон.

* * *

В начале марта внезапно потеплело, начал таять снег, как следом налетела снежная буря. Порывистый ветер словно скручивал неприятные воспоминания в тугие узлы, больно колотил ими в грудь, спину и, глухо завывая, не давал Мукашу уснуть. В такие ночи ему хотелось, как обычно, выпить, заглушить чувство вины, стыда, затянуть песню. И, может быть, замерзнуть незаметно для себя и для других где-нибудь в степи и стать кормом для хищников, хоть какая-то польза от него.

А когда наконец небо прояснилось, засветило весеннее солнце — холод в душе начал оттаивать, появилась надежда, что скоро все наладится.

Мукаш жил на кордоне около месяца, с тех пор, как уехал из поселка, как раз после поминок деда Басена. Он оформлял в акимате документы на дедовский дом, когда увидел своего армейского друга, но сделал вид, что не узнал. Не захотел показываться перед бывшим сослуживцем в неопрятном виде, с устоявшимся запахом перегара. Байтас поздоровался первым, выразил соболезнования и пригласил в кафе. Мукаш похмелился и начал по привычке жаловаться на жизнь, а Байтас предложил погостить у него в заповеднике. Сначала Мукаш отказался, но, вспомнив о том, что кордон Байтаса находится неподалеку от джайлау, где в детстве проводил с дедом каждое лето, согласился. Сел к нему в «ниву» и уехал, никого не предупредив, да и кому он теперь

нужен. Первое время звонили разные люди, но потом разрядился телефон, и Мукаш успокоился, все насущные проблемы остались за кордоном. Байтас не задавал лишних вопросов, а Мукаш привык откровенничать только на пьяную голову. Так они и жили вдвоем. В ясные дни вместе работали в заповеднике, вечерами в непогоду читали книги. Книг у Байтаса было много, приезжающие оставляли, да и сам успел накопить.

— Мукаш! Пойдем чай пить, — позвал Байтас.

— Сейчас, Баке, иду, — ответил Мукаш, подровнял дорожку от крыльца и воткнул лопату в сугроб.

Он вошел в дом, скинул с плеч синий, местами засаленный чапан, помыл руки и сел за длинный деревянный стол. Байтас, сняв с печки чайник, разлил по кружкам крепкий чай.

— Мне надо в поселок съездить, — начал Байтас, сделав глоток чая. — Продуктов привезти, да и к родственникам заехать, и не только, — смущенно усмехнулся он.

— Что, женщина у тебя там? — заинтересовался Мукаш.

— Да, есть одна, только переехать сюда никак не решается, за отцом пожилым ухаживает.

— Что, некому за отцом смотреть?

— Есть кому, у них большая семья.

— Так засватать ее надо.

— Вот летом собираюсь свадьбу сыграть.

— Правильно. Че одному куковать. А как твоя бывшая, Зауре?

— Замуж вышла, в Алматы живет, а сын в этом году школу заканчивает.

— Уже школу заканчивает, ничего себе, — удивился Мукаш, — Знаешь, а я тоже подумываю жениться. Вот поминки деда проведу через год и женюсь.

— Давно пора. А где Лиза, которая тебе письма в армию писала?

Мукаш вскинул голову и словно осветился изнутри, и даже шрам на щеке и складки морщин под глазами уже не старили его. Но через мгновение он снова опустил голову:

— В Германию уехала, к родителям. Говорят, замуж так и не вышла, — сказал он тихо, накинул чапан и вышел, неслышно затворив за собой дверь.

* * *

Несмотря на туман и ветер, Кокшулан мог учуять добычу на расстоянии. Во время бури вожак повел самцов на охоту среди ночи, вниз по ущелью. Действительно, там, увязая в липком снегу, бродили несколько архаров.

Ветер поддувал сзади, подгоняя Кокшулана и его стаю. Волки спустились вниз, барахтаясь в вязком снегу. То ли туман стухнул, то ли архары выбрались на тропу и ушли вверх — Кокшулан потерял запах, остановился и прислушался. Сквозь гул ветра он услышал чуть в стороне карканье ворон и изменил направление. Вскоре они набрали на одного из архаров. Учувя хищников, тот резко повернул в сторону, наткнувшись передними копытами на камень под снегом, неловко покачнулся и завалился на бок. Кокшулан прыгнул, навалился на архара всем своим весом, припал к горлу и прорезал клыками. Густая кровь с паром хлынула на снег, архар захрипел, дернулся и обмяк. Тут же самцы начали раздирать тушу. Вскоре стая принялась за двух оставшихся животных, загоняя их наверх. Архары проваливались тонкими ногами в снег и беспомощно качались в тумане, как корабли на волнах, потом, обессилев, падали. Пока не прекратится буря, у стаи будут запасы.

На рассвете Кокшулан понес заднюю часть архара волчице. Проем пещеры за ночь занесло снегом, так что Кокшулан бросил добычу у расщелины в скале и полез сквозь сугроб в пещеру. Снег не успел еще уплотниться, и волк смог легко проделать

дыру головой и передними лапами и заползти в пещеру. Но волчицы там не было. Пока Кокшулан обследовал грот, отверстие в проеме завалило снегом, и вожаку пришлось снова прокладывать путь наружу. Утопая в снегу, Кокшулан высунул морду из пещеры и с удивлением обнаружил пропажу добычи. На месте почти половины туши архара осталась вмятина на снегу, а следы волочения вели внутрь расщелины. Кокшулан вылез из сугроба, ползком добрался до скалы и заглянул в щель, там он увидел Айтуган, жадно поедающую добычу. Вожак оскалил зубы и зарычал. Волчица лишь бросила на Кокшулана равнодушный взгляд и продолжила трапезу.

* * *

С утра Байтас начал собираться в дорогу. После завтрака он разогрел машину, положил в багажник дорожный рюкзак и сел за руль. Но доехав до ворот, резко затормозил и вышел из машины.

— Баке, забыл что-то? — поспешил к нему Мукаш.

— Мукаш, ответь мне на один вопрос. Ты обещал продать дедовский дом моему зятю Ермеку? — Байтас посмотрел ему прямо в глаза.

— Нет, ты что! — зло стрельнул глазами Мукаш, — Может, и обещал по пьяному делу, не знаю... — махнул он рукой. — А почему ты спрашиваешь?

— Да он звонит мне, покоя не дает, говорит, что ты часть денег за дом получил, а документы не отдаешь.

— Врет!

— А как они всей семьей в вашем доме оказались?

— Этот дом деду специально выстроили как ветерану войны, прошлой осенью ордер выдали. А мы решили туда весной въехать, в Наурыз новоселье устроить, всех родственников пригласить, Ису с семьей...

— Ну?

— А в это время Ермек с семьей землянку снимали по соседству с нами. Вот они узнали, что мы только весной переезжаем, и попросились пожить в новом доме. Сказали, выедут, как только им квартиру после Нового года выделят. Дед пожалел детей, пустил...

— А мне он сказал, что дед Басен хотел ему дом отписать, да не успел. Говорит, после смерти деда с тобой договорился, деньги заплатил.

— Врет! Могу документы показать, они у меня с собой, никому дед ничего не отписывал! Я же говорю, дед заболел, ему не до дома было, и угас он быстро, за месяц.

Мукаш машинально снял шапку, присел на корточки и достал из кармана сигареты.

— Ладно, прости, брат! — сказал Байтас, хлопнул Мукаша по плечу и вернулся в машину.

Мукаш прогулялся до подножия вершины, потом вернулся домой, вскипятил чайник и заварил себе чифирь. С удовольствием хлебнул горячую густую жидкость и почувствовал гулкое биение сердца. Прилег на диван у окна и закурил. Яркое солнце приятно грело лицо. Он не мог вспомнить, подписал ли он те бумаги, что приносил Ермек. «Даже если что-то подписал, документы на дом при мне», — успокаивал он себя. Потом встал, встряхнулся, словно отгоняя неприятные мысли, оделся и пошел в лес. Там он собрал в несколько куч свалившиеся во время бури ветки и стволы деревьев. А когда вернулся, выгреб и вынес золу из печки, засыпал в еще тлеющую, но застывающую печь ведро угля. Выпил полковша воды, прилег перед ужином и незаметно уснул.

Он танцевал с Лизой вальс на школьном вечере, и вдруг она из девочки в школьной форме превратилась в женщину, призывно улыбаясь, повела за собой. Мукаш долго бежал за ней по улице, потом поднимался по лестнице. Лиза, колыхая широкой юб-

кой, плавно взбиралась вверх, а Мукаш ловил ее запах, когда подол юбки волнами накрывал его с головой. Потом Лиза скрылась наверху, а ноги Мукаша словно прилипли к стремянке.

Он проснулся от шума мотора, прислушался. Неужели Байтас вернулся? Хотя нет, звук совсем другой, раскатистый и ровный. Мужчина неспешно встал и вышел во двор. Огромная машина с колесами в рост человека вкатилась во двор и остановилась.

— Ассалам алейкум! — из джипа выпрыгнул, как гимнаст, и мягко приземлился на землю худощавый высокий парень.

— Алейкум ассалам! — ответил с достоинством Мукаш, протягивая руку.

— Акан, — представился парень, крепко ее пожимая.

— Мукаш, — сказал Мукаш, прикуривая сигарету.

— Лесничий здесь разве не Байтас?

— Да, Байтас, только он в поселок уехал. Я тут за него, — сказал Мукаш, пытаясь разглядеть людей в окне джипа.

— В этой машине я один приехал, за мной еще два джипа едут, я им путь рассчитую, — сказал Акан, — охотники мы, на птицу приехали.

— А, ну тогда понятно, — сказал Мукаш, — глухарей много, наследили на снегу, здесь недалеко токовище устраивали сегодня, а там дальше, на краю леса, тетерева токуют. Разрешение-то есть?

— Все есть, все тип-топ, мы тут не первый раз. Баке нас знает.

Вскоре раздался гул мотора, и один за другим к домику подъехали еще два джипа, пониже. Из них с гоготом вывалились шестеро парней. На вид ребята городские. Все по очереди пожали ему руку и представились.

— Ну, давайте, в дом проходите, — сказал Мукаш, указывая на крыльцо.

— Сейчас, вытащим продукты, — сказал Ерема, парень с озорными глазами.

Он открыл багажник и выгрузил на землю ящик коньяка, ящик с минеральной водой, несколько больших пакетов. Парни взяли в руки по ящику и, продолжая шуточный разговор, вошли в дом. Когда они накрыли стол, на душе у Мукаша стало по-настоящему радостно, ему словно передались легкость и благополучие этих парней. Сон про Лизу приятно мелькал в голове, придавая Мукашу мужественности. И чем больше он выпивал, тем больше утверждался в своей силе и уверенности. Он уснул после того, как затянулся с ребятами беломориной. Проснулся утром от головной боли и сухости во рту. Выпил ковш воды, выбежал во двор, умылся снегом и набрал два ведра угля. В доме посмотрел радостно на пузатые бутылки коньяка. «Затоплю печь, и сядем, похмелимся по-человечески», — думал он с улыбкой, поглядывая на парней в спальных мешках, расположившихся на полу в дальней комнате. «Байтас только через два дня приедет, успею себя в порядок привести», — строил планы Мукаш.

Охота удалась на славу, после обеда набралась большая куча тетеревов и глухарей вперемешку с вальдшнепами. Остаток дня парни помогли Мукашу очищать дорожки от сваленных бурей деревьев и веток, жарили во дворе шашлык.

Вечером за столом ребята стали расспрашивать Мукаша о волках.

— Не, парни, к волкам нельзя, они сейчас голодные, холодные, а волчицы их — на сносях. Да и не знаю я, где они точно обитают.

— Да нет, я не про охоту, просто интересно, как вы рядом с волками живете? — спросил Акан.

— Волки — они умные, — сказал Мукаш, вспоминая деда, — они же просто так никого не трогают. Но если ты обидел его или, не дай бог его волчицу или детенышей, то берегись.

— Не хотел бы я к ним в логово попасть, какими бы гуманными они ни были, — засмеялся Ерема.

— Я лично их не встречал, но Байтас рассказывал, что видел следы целой стаи. На прошлой неделе перед бурей они тут недалеко лося разодрали, одни кости остались, и куча воронья кружила над тем местом. Оголодали, видимо, а так они сюда не суются.

— А где они живут?

— Они весной в пещерах обитают, в горах, пока волчицы не разродятся и волчата не подрастут, а потом в степь уходят.

— А давайте съездим к пещерам, волков поищем, — предложил один из парней. Что они нам сделают, мы же на джипе Акана поедem, Мукаш дорогу знает... Пофотографируем.

— Я же сказал, не знаю, где они находятся, тут много пещер.

— Давай, Мукаш, давай! — предлагали наперебой парни.

— Только не стрелять, и оружие с собой не берите, — согласился Мукаш. — И еще... Оставьте меня там, — решил он неожиданно для себя.

— Да ты что! — воскликнул Акан.

— Сказал: оставите — значит оставите! А то не поеду! — прогремел, изо всех сил ударив кулаком по столу, Мукаш.

Ребята переглядывались со смехом и удивлением.

— Все, поехали! — сказал громко Мукаш, покачиваясь от выпитого коньяка.

— Нет, нельзя, он еле на ногах стоит! — запротестовал один из парней, но остальные уже одевались, не обращая на него внимания.

В машине Мукаш снова выпил, он лишь помнил, как поднялись в ущелье, остановились у пещеры и как ребята выгружали что-то из машины по его просьбе.

* * *

Айтуган заметила появление чужака наутро и наблюдала за ним. Подходила к нему, когда тот спал, обнюхивала, от человека исходил незнакомый резкий запах. Каждый раз, когда волчица видела его неподвижное тело, в ней просыпался странный инстинкт: ей хотелось защитить это беспомощное существо.

Когда Кокшулан унюхал присутствие чужака, он, скалясь и рыча, направился было к пещере, но Айтуган не дала ему приблизиться к человеку. Она издала угрожающий рык, и вожак отступил. Волчица не давала приближаться к человеку и другим волкам. Это была ее добыча, и стая смирилась. Человек редко выходил из пещеры, волчица не отходила от него далеко, расположившись напротив, у большой щели в скале. Теперь она все время находилась в стороне от стаи. Кокшулан приносил добычу и, привлекая внимание Айтуган, прижимался к земле и скулил. Услышав довольное урчание волчицы, возвращался к стае.

* * *

Пока дед Басен совершал намаз, Мукаш взобрался на жеребца и поскакал. Жеребец понесся сначала вверх к ущелью, потом замедлил шаг и начал вертеть головой и брыкаться, стараясь скинуть мальчика, только Мукаш не поддавался: то хватался за гриву, то натягивал уздечку, умудряясь еще и хлестать животное камчой. Ему понравилось укрощать жеребца, даже удалось приспособиться к резким рывкам, но мальчик неожиданно растерялся, заметив приближающуюся фигуру деда. Вот тогда жеребец ловко скинул Мукаша на траву и поскакал дальше. Мальчик неуклюже плюхнулся на правый бок, уткнулся лицом в полынь и отпрянул от досады.

Мукаш открыл глаза и почувствовал горечь во рту. Его окружал запах спирта, вокруг валялись осколки разбитых бутылок. Мужчина с трудом поднял глаза, голова

отозвалась звоном. Мукаш на четверенках двинулся к выходу, к свету, очищая руки путь от осколков стекла, еле преодолевая рвотный рефлекс. Высунув голову из пещеры, он перевесился через камень у входа и вырыгал на землю кислую жижу. Молоточки в висках застучали резче, испарина покрыла лицо, внутренности горели. Когда, опустошенный и обессиленный, Мукаш откинулся на снег, щурясь от яркого солнца, то вдруг почувствовал чье-то присутствие. Неужели Байтас? Мукаша охватило знакомое тягостное чувство вины, будто занял чужое место, съел чужой кусок мяса. Мужчина медленно поднял голову и увидел пару внимательных глаз в нескольких метрах от себя. Это была волчица, ему были видны округлый живот и оттопыренные соски между ее ног. «Кусок мяса!» — произнес Мукаш и рассмеялся. Громко, раскатисто, во весь голос. Смех, вырывающийся из горла, бурлил и хрипел, Мукаш катался на подтаявшем снегу и хохотал, пока не выдохся. «Вот я и сам стал куском мяса», — решил он, но тут с удивлением заметил, что волчица равнодушно удаляется от него. Она дошла до расщелины между скал недалеко от пещеры Мукаша и улеглась там.

Присутствие волчицы взбудрило Мукаша, он почувствовал страх, жажду и жар одновременно. Яркое, полное ощущение жизни, как в детстве, когда он скакал на жеребце, ощущение, которое, казалось, давно и безвозвратно потеряно. Упал он тогда с лошади где-то здесь, у пещеры. Мукаш встал в полный рост и не торопясь вошел в пещеру. Справа стояли ящики с полными бутылками коньяка и виски, с пивом и газированной водой. Дрожащими руками, Мукаш откупорил бутылку воды и жадно выпил больше половины. Рядом с ящиками лежали консервы в упаковке и несколько пакетов с едой. Есть не хотелось, мужчина сгреб стекло в кучку и осторожно выглянул наружу, волчица лежала на том же месте и смотрела в его сторону. Мукаш решил разобрать вещи, как попало сваленные у выхода. Нашел спиртовку, несколько бутылок со спиртом и котелок. Потом расправил спальный мешок, чтобы прилечь, но подумал, что надо как-то прикрыть доступ в пещеру. Он вышел, посмотрел на валун у входа и решил заложить проем камнями. Неспешно соорудив стену, приспособил сбоку круглый камень, чтобы легко откатывать и закатывать обратно. «Если есть волчица, значит, тут логово!» — дошло вдруг до Мукаша, испарина снова покрыла лоб, он допил воду в бутылке и взялся за спиртовку, огонь не помешает.

В течение дня Мукаш несколько раз выходил из пещеры, занимаясь обустройством, курил, волчица все лежала на том же месте. Судя по количеству выпитых бутылок и щетине, он находился здесь четвертый день. Мукаш и раньше задумывался, почему запой у него длится ровно три дня, а на четвертый организм уже не принимает алкоголь. Горбач, его постоянный собутыльник, имел по этому поводу свою теорию, согласно которой Мукаш не являлся алкоголиком. По мнению Горбача, алкоголик страдает более от отсутствия алкоголя, чем от его наличия. Действительно, Мукаш с отвращением смотрел на ряд бутылок, выстроенных по ранжиру от виски до пива. Горбач считал, что у Мукаша глубоко социальная проблема. «У тебя завышенные требования к людям, будь проще», — говорил бомж-философ.

«Так, значит, волки знают обо мне, и если еще не съели, может, и не тронут», — подумал Мукаш и вспомнил деда Басена. Дед считал волков самыми разумными и справедливыми существами. Если им не угрожать и не показывать страх, они не будут враждебными, говорил старик. «А может, действительно, волчица — наша прародительница?» — задумался Мукаш.

— Здорово, мать! — сказал ласково Мукаш, обращаясь к волчице, и она заурчала в ответ. Он снова рассмеялся, во второй раз за день, снова почувствовал радость и страх одновременно, как яркую вспышку. И вспомнил, как давно не смеялся так свободно и безрассудно.

— Здравствуй, мать! — повторил он увереннее и расплакался, горько и навзрыд.

Волчица насторожилась, вытянула шею и протяжно завывала. Мукаш замолчал, услышав вой. Волчица тоже вскоре успокоилась.

— Не переживай, мать, теперь все нормально, — сказал Мукаш и вздрогнул. На холме в лучах заходящего солнца появился огромный сиво-бурый волк. «Кокшулан!» — прошептал Мукаш, вспоминая, как дед описывал волка из старинной легенды. Мужчина инстинктивно попятился назад, радуясь тому, что построил себе укрытие. Положил заготовку под факел, спички, спиртовку рядом с собой и притаился, наблюдая за волком в просвет между камней. Волк приближался к пещере. За несколько шагов остановился, посмотрел в сторону Мукаша и пошел дальше, к волчице. Швырнул на землю добычу, которую держал в зубах, рядом с Айтуган и заурчал. Волчица издала ответное урчание. Мукаш затаился в пещере и, стараясь не издавать ни звука, наблюдал за волками. Неизвестно, сколько времени прошло, только уже стемнело, когда Мукаш пару секунд видел в темноте горящие глаза совсем рядом и в ужасе начал зажигать спички, но волк пропал из виду так же внезапно, как и появился.

Мукаш заметил, что самец приходил проведать волчицу ближе к ночи и на рассвете, и в это время старался затаиться в пещере, не разжигать огонь, не привлекать к себе внимания. Но волк всегда чувствовал его присутствие. Каждый раз останавливался у пещеры и вызывающе смотрел. Горящий взгляд Кокшулана пронизывал Мукаша, даже будучи вне поля зрения животного, он опускал глаза, и волк, словно чувствуя свое превосходство, поднимал голову и гордо проходил мимо. Своим уверенным взглядом Кокшулан напоминал ему старшего брата Ису.

* * *

— Иса, ну-ка назови имена своих дедов до седьмого колена, — сказал Рамазан-ата, откинувшись на подушку.

— Сначала, Ерасыл, сын Караша, от него родился Ораз, потом Рыспай, сын.... — начал Иса, пока не доходил до Замана — прадеда, здесь он замедлял темп: — Рамазан, сын Замана, потом мой отец...

Лицо деда расплывалось в довольной улыбке, он обнимал внука и целовал в темечко.

Мукашу тоже захотелось отличиться, мальчик с третьего раза запомнил имена дедов. И на следующий день, когда дед Рамазан привычно откинулся на подушку после бешбармака, мальчик присел рядом с ним и громко затараторил:

— Сначала Ерасыл, сын Караша, Ораз, сын Ерасыла... — но, заметив, как нахмурился дед Рамазан, а мама, покраснев, опустила глаза, замолчал. Иса тут же потянул его за руку и увлек за собой из комнаты.

— Мукаш, тебе не надо этого говорить, — сказал он глухо.

— Но почему? — спросил со слезами на глазах Мукаш.

— Сказал — не надо, значит — не надо! — отрезал брат. Иса впервые говорил с ним в таком тоне, и Мукаш понял, что между ними есть разница, которой он не понимает.

Они с мамой уехали в тот день из дома бабушки Рамазана, а Иса остался гостить у него. С тех пор мама не брала Мукаша с собой в районный центр. Сама отвозила Ису на каникулы к деду Рамазану.

Единственное, что понял Мукаш — он в чем-то виноват. Вину разъяснили позже соседские мальчишки, сначала закидали его камнями, обзывая безродным, потом рассказали, что мать родила его неизвестно от кого. От мальчишек его спас Иса и объяснил, что Мукаш не безродный: у него есть мама, родной брат и Басен-ата.

— Надо с этим смириться и больше не задавать вопросов, а в обиду я тебя никому не дам, — сказал старший брат.

* * *

Мукаш проснулся на рассвете от грохота. Стена из камней рухнула внутрь пещеры. Он вскочил, едва увернувшись от камней, и, выглянув из пещеры, увидел, что сверху свалился заледеневший пласт снега. Кокшулан скоро появится, а пещера — настезь. Он начал судорожно выгребать снег и лед, выкатывать камни, пока все не вычистил. Потом заново построил себе укрытие. Дед говорил, что при встрече с волком надо смотреть ему в глаза, тогда он отступит. «Будь что будет!» — подумал Мукаш, он твердо решил пересилить себя и на этот раз выдержать взгляд волка.

Но Кокшулан так и не пришел в это утро, а волчица стала беспокойной. Она то скрывалась в расщелине, то снова появлялась, а потом вовсе пропала из виду. В полдень обеспокоенный Мукаш осторожно приблизился к скале и услышал едва слышное движение и чмокающий звук. Он заглянул внутрь. Волчица лежала, свернувшись в клубок, рядом пищал и копошился маленький черный щенок, а волчица вылизывала другого волчонка. Учув приближение человека, волчица метнула в его сторону колючий взгляд. Страдание и усталость промелькнули в ее глазах, и это сходство с человеком потрясло Мукаша. Он почувствовал безысходность от того, что не может никак помочь, позаботиться о ней. Точно так же, как не смог когда-то помочь своей маме. В это время черный волчонок замолчал, вытянулся и начал хрипеть. Волчица швырнула на его место другого щенка чуть светлее и начала вылизывать черного, вскоре тот снова запищал. Потом Айтуган положила черного щенка рядом с собой и принялась вылизывать светленького, который едва дышал животом и пока не издавал звука.

— Потерпи, милая, потерпи! — сказал ласково Мукаш, и волчица слабо заурчала в ответ.

Он знал, что к детенышам волчицы лучше не приближаться, и скрылся, когда маленький черный комочек, барахтаясь, перевернулся в его сторону. Мукаш правильно сделал, что скрылся. Как только зашел в пещеру, на пригорке появился Кокшулан с добычей в зубах. Волк пробежал в сторону расщелины, даже не взглянув в сторону человека. Кокшулан скинул добычу и вошел внутрь, оттуда раздалась странная гамма звуков: урчание, визг, лай, и вскоре волк выскочил наружу.

«Кажется, она относится ко мне лучше, чем к нему», — подумал с улыбкой Мукаш. А волк, захватив зубами добычу, неспешно понес ее волчице. Послышалось разноголосое урчание, и волк тут же вышел. Лег возле расщелины и лежал там до ночи, только время от времени поднимая голову, поскуливал, переговариваясь с волчицей.

* * *

Мама высохла за несколько месяцев, а за неделю до смерти «скорая» увезла ее в районный центр. Братья смогли поехать к ней, как только Иса сдал свой последний выпускной экзамен. Мама обрадовалась их приходу, гладила и целовала им руки, разговаривать не хватало сил. А братья боялись смотреть на нее, на осунувшемся лице, кроме глаз, ничего не осталось. Они просидели с ней дотемна, пока медсестра не выгнала их из палаты. В ту ночь братья впервые подрались. Иса предложил переночевать у дедушки Рамазана.

— Нет, не пойду, я же безродный! Иди сам, я здесь посижу, у больницы, — сказал Мукаш.

— Хорошо, я тоже останусь, — ответил Иса и присел рядом с ним на скамейку.

Но Мукаша раздражала накопившаяся годами обида, и он начал выговаривать брату:

— Если мамы не станет, ты можешь оставить меня и переехать к дедушке Рамазану.

— Не болтай чепухи, мама выздоровеет.

— Ты можешь уехать навсегда к своему деду Рамазану. Теперь тебе нечего стыдиться.
 — А чего это я стыжусь?
 — Меня и матери нашей стыдишься! Я же вижу, как ты смотришь на меня, свысока, как на дворняжку...

Он опомнился, когда Иса ударом в челюсть сбил его с ног. Мукаш вскочил и накинулся с кулаками на брата. Их разнял сторож больницы, сначала отвел в процедурную комнату, где им прижгли раны, а потом уложил их спать в своей комнате. На следующее утро они снова отводили от мамы глаза, теперь уже стыдясь синяков и ссадин на лице. Мама, встревожившись, набралась сил и прохрипела:

— Иса, Мукаш... Держитесь вместе... — и начала задыхаться.

Мукаш побежал за помощью, а когда вернулся с медсестрой, мама застыла с открытым ртом на подушке, сжимая руку Исы.

После похорон мамы Иса уехал учиться в город. Он писал письма, которые Мукаш сжигал не читая. Мукаш даже не поехал на его свадьбу. На похоронах деда Басена Иса, как только вышел из машины, поспешил обнять Мукаша и горько разрыдался. Мукаш тоже заплакал, прижавшись к брату, а когда поднял голову, увидел своего племянника, незнакомую копию Исы. Мальчик смотрел на Мукаша с опаской и недоверием. Тогда Мукаш оттолкнул брата и пошел к двери, делая вид, что встречает других родственников.

* * *

Двое еще подслеповатых волчат поправлялись день ото дня, они уже кормились не только молоком матери, но и щедрой отрыжкой Кокшулана. Он приходил с добычей каждый день на рассвете, как только небо начинало краснеть на востоке. Отрыгивал мясо под ноги волчатам, те возились в склизкой массе, пока не утыкались в кашу мордой и не начинали есть.

Мукаш снова увидел щенят через две недели после родов волчицы. Двое волчат, один — черный, второй — мастью в Кокшулана, вывалились из пещеры и, ослепленные солнцем, громко запищали. Привыкнув к свету, они неуклюже исследовали пространство около пещеры, переваливаясь с боку на бок. Мукашу хотелось подойти, потрепать волчат, поиграть с ними. Но он сдерживал себя, ведь Кокшулан теперь всегда находился поблизости. Человек не боялся ревности волчицы, он не хотел попадаться на глаза вожаку стаи. В присутствии волка Мукаш чувствовал себя уже не просто чужим, но лишним в волчьей семье. «А ведь он прав, мне давно пора обзавестись своей семьей» — думал он.

Волчица, подталкивая мордой щенят, повела их вниз, к ручью. Кокшулан шел за ними. Перед тем как скрыться из виду, Айтуган оглянулась и посмотрела на Мукаша, а потом и вожак обернулся в его сторону. Мукаш впервые смог выдержать его взгляд. Кокшулан первым опустил глаза и скрылся из виду.

«Вот и зиму пережили. Слава Всевышнему!» — вспомнились Мукашу слова деда. Он никогда не мог понять, отчего дед радуется тому, что так очевидно. А теперь и сам был рад наступлению весны, и ему захотелось увидеть Ису. Он почувствовал, как сильно скучает по брату, от которого так долго отворачивался. Перед сном он долго ворочался, представляя свое возвращение, сначала подбирал слова, которые произнесет, а потом решил просто обнять брата. Мукаш засыпал под отдаленный вой волков, словно под колыбельную, и видел перед собой яркую луну, которая, увеличиваясь в размерах, притягивала к себе. Вот уже Кокшулан, стоящий на вершине горы, превращается в птицу и, расправляя крылья, устремляется к луне, а за ним Айтуган машет крыльями, набирая высоту, а потом два птенца несмело тянутся вслед, став частью невидимого потока, уносящегося в небесный круг.